

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Б. М. Бим-Бад

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЫ В ГЕРМАНИИ (XVIII – первая треть XX века)

УДК 37.01
ББК 74.03(3)

В статье представлены основные этапы становления государственной школы Германии, дана краткая характеристика целей, объема и содержания образования, учебных планов и программ различных типов государственных образовательных учреждений в исследуемый период.

Ключевые слова: эволюция немецкой школы; формальное образование; учебный план; содержание и методы обучения.

B. M. Bim-Bad

THE HISTORY OF STATE PUBLIC SCHOOLS IN GERMANY (the 18th – the first third of the 20th century)

The article presents the main stages of the development of state public schools in Germany/ The paper also gives a brief description of the objectives, volume and content of education, curricula and programs of different types of public educational institutions in that period.

Keywords: the evolution of the German school; formal education; curriculum; content and teaching methods.

Чтобы понять особенности современной государственной школы в нашей стране, полезно бросить взгляд на становление систем государственных школ в странах, за которыми Россия шла, которым подражала и широко

воспроизводила их опыт. Это, прежде всего, Германия.

Не позднее, чем с XVIII столетия, в области просвещения, образования масс, за исключением сравнительно небольшого периода созидания са-

мостоятельной, оригинальной модели школы, с 1918 года по начало 30-х годов, Россия проходила по немецкому фарватеру.

До создания Германской империи. В Пруссии раньше, чем где-либо, победил принцип *обязательности* школы, возможно, под влиянием Реформации, особенно в ее лютеровском варианте, — идеей о личной ответственности каждого человека перед Богом, обществом и собой.

Вмешательство государства в школьное дело было почти синхронно усилению государства в Пруссии. Указом 1717 года Фридриха I все дети обязаны были посещать школы, если они были доступны им. Эдиктом 1736 года устанавливались школы в некоторых провинциях (землях), а в 1763 Фридрихом II Великим принцип обязательности начального образования был подтвержден. Кодификация прусского законодательства 1794 года *закрепила за государством школьное дело.*

Наряду со школами старого типа — начальными, латинскими (грамматическими), средними, университетами, появились и распространились т. н. современные школы, в которых центром обучения были точные науки и современные языки. Современные школы отражали потребности нового технологического и коммерческого века. В большом числе появились также профессиональные школы.

По мере роста влияния государства на школьные системы уменьшалось влияние церкви. Всеобщее образование становилось заботой государства. Государство при этом ни в

чем и никак не изменило традиционный учебный план и методы обучения до начала XIX века. Фихте обосновал идею («Речи к немецкой нации») национально государства, покоящегося на *культивации и усилении контроля государства над образованием молодежи.* Эта идея легла в основу деятельности Министерства внутренних дел во главе с Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Государство вырвало образование масс из рук церквей не для того, чтобы упразднить религиозное воспитание, а чтобы сделать его дозированным, притом подконтрольным себе. Слишком глубокое погружение в теологию способно развивать духовные, умственные силы человека, делая его тем самым критичным.

Полуцерковные школы стали закрывать и заменять их государственными школами, руководимыми Министерством внутренних дел.

Подтвердив законом о школе 1872 года абсолютное и единоличное верховенство государства над церковью в контроле над образовательной системой, прусская власть бережно сохранила религиозное обучение в государственных школах и тщательно следила за назначением учителей в строгом соответствии с их конфессиональной принадлежностью — только католиков и протестантов.

Среднее образование приняло форму компромисса между узким филологическим педантизмом старых латинских школ и широкими требованиями нового гуманизма. В 1810 году В. Гумбольдт ввёл *экзамены и сертификацию учителей,* что исключи-

ло прежде распространенную практику преподавания в школах неквалифицированных студентов теологических факультетов университетов. Эта мера подняла престиж учительской профессии и сделала прусскую школу самой послушной государству в Европе. В 1812 году был реанимирован аттестат зрелости.

С 1834 года государство, сделав выпускной экзамен в классических гимназиях необходимым условием для поступления в университет, для занятия в будущем свободных профессий — адвокатов, журналистов, архитекторов, нотариусов, переводчиков, равно как и для доступа к должностям в системе гражданской службы, получило контроль над уровнем и характером подготовки прежде «не подконтрольных» государству гуманитарных профессий.

Второй рейх (1871—1918). Объединение Германии в империю в 1871 году придает новый стимул укорунению национальной идеи в довузовском образовании. Национальное движение получило мощный импульс благодаря установке императора Вильгельма II, который на школьном съезде 1890 года заявил: «Это наш долг воспитать молодых людей так, чтобы они стали молодыми немцами, а не молодыми греками или римлянами».

После образования германской империи школьное дело стало заботой отдельных «составных частей империи», образцом для которых выступала Пруссия.

В Пруссии же образовательная система была целиком и полностью

подчинена государству. Это обстоятельство соответствовало задаче такого воспитания человека массы, которое давало «на выходе» тип конформиста, лояльного гражданина, патриота-националиста, главное же — умелого, прилежного, исполнительного работника. Школа готовила основную массу населения к четко означенному положению в обществе (Stand). Гражданство рассматривалась как добродетель подчинения. Система социальных институтов государства, важнейшей единицей в которой было народное образование, держала пульс на руке каждого члена общества от колыбели до могилы. Правовая регуляция распространялась на труд, семью, досуг, здоровье, несчастья, старость, знания, культуру и развлечения (досуг). Независимость и самостоятельность искоренялись у всех немцев, кроме юнкерства. Церковь, главой которой был император, служила инструментом управления страной. Важнейшие должности в церковной иерархии занимали назначаемые императором лица. Государством также назначались университетские профессора, мощное влияние которых на формирование политики правящих кругов и т. н. общественное мнение не имело параллелей ни в одной стране мира.

С 1817 по 1919 год в Пруссии, а затем во всех землях Германской империи школьной системой руководило Министерство духовенства, образования и здравоохранительных учреждений (Ministerium der Geistlichen, Unterrichts, und Medizinalangelegenheiten). Накануне I мировой войны во

главе министерства стоял член кабинета, назначаемый короной и ответственный перед ней. Приказы, циркуляры, предписания и решения министра имели силу закона. Министр утверждал учительский и административный корпус, стоял во главе школьной инспекции, предписывал учебные планы, одобрял учебники, темы и тексты экзаменационных работ.

Одновременно в ведении министра находились все церковные учреждения, в их числе и конфессиональные образовательные заведения.

В каждом их королевств, герцогств, княжеств и т. п. «составных частей» Империи имелась своя школьная администрация, ведавшая начальным и средним образованием (государственным, конфессиональным и частным). Она подчинялась министерству. Самоуправление практиковалось только в трех вольных ганзейских городах (Гамбург, Бремен, Любек) и некоторых уездах (Landkreise). Впрочем, оно было весьма ограничено обязательной государственной инспекцией.

По Закону о содержании школ (Schulunterhaltungsgesetz) 1906 года финансовое бремя несло государство, муниципалитеты, уезды и помещики. Государство, в основном, субсидировало оплату учителей и их пенсионное обслуживание. В 1911 г. государство выделило 26 % средств, потраченных на все начальные, промежуточные и средние школы страны. Из общей суммы в 878 млн. марок 76 % средств ушло на содержание начальных школ, 3 % на промежуточные и 21 % на средние учебные заведения.

Если учесть, что на каждого ученика начальной школы в год уходило 65 марок, промежуточной — 112 марок, а средней — 288 марок, становится ясным, что число школ и учащихся второй ступени (около 600000) почти в двадцать раз уступало учащимся начальной школы (более 10000000).

Начальная школа. Подлинно массовый характер начальной школы в Германской империи очевиден. Подавляющее большинство будущих граждан Германии получало здесь навыки дисциплинарного подчинения, в них возвращалось чувство долга перед государством. Работа в связке с конфессиями, начальная школа, учительский персонал которой тщательно отбирался и деятельность которой непрерывно контролировалась, ковала характер будущих солдат, чиновников, рабочих и матерей.

Большинство начальных школ того времени были школы одноклассными (около 50 учащихся с одним учителем). В 1911 году Пруссия имела около 24 тысяч одноклассных и 10 тысяч школ с несколькими классами. Хотя по закону о школьной повинности обязательное образование должно было охватывать 8 лет обучения, только в 677 школах из 34 тысяч имелись все восемь классов. 809 школ были семиклассными, в остальных классов было меньше семи. Это значит, что большинство детей было вынуждено два года и более повторять материал одного и того же класса. Примерно 2/3 обучающихся учились совместно.

За исполнение закона о школьной повинности отвечала полиция. Перед революцией 1918 года менее чем один

ребенок на 10000 детей не отбывал школьной повинности.

Продолжительность учебного года был 42 недели, учебной недели — 6 дней, учебный день длился от четырех до пяти часов занятий в школе.

В 1913 году неграмотных в Германии на тысячу мужчин было менее двух, на тысячу женщин — менее четырех.

Цель начальной школы формулировалась как «обучение богобоязненному, патриотическому и практически полезному знанию» (см.: Tews J. Ein Jahrhundert Preussischen Schulgeschichte. Leipzig, 1914). Другими словами, задача состояла в том, чтобы воспитать в учащихся благоговение перед дольней и горней властью и дать им минимально необходимую для поддержания экономики страны сумму знаний.

Отсюда — и учебный план школы для народа: религия, немецкий язык и литература, история, арифметика. Более 63 % учебного времени, а в первом классе — более 90 %, отводилось обучению религии, родному языку и арифметике. Как учебный предмет, родной язык включал в себя чтение, письмо, чистописание, грамматику, сочинение и немецкую литературу. История, география и природоведение входили в комплексный курс «реальные знания» (Realien).

Выпускник начальной школы обязан был проявить хорошие знания Библии, навыки счета, письма, чтения. Он должен был иметь общие представления о географии, истории и гигиене. Девочек в большинстве школ учили рукоделию.

Однако главным предметом, изучавшемся на каждом уроке, был отсутствующий в учебном плане и тем не менее присутствующий в каждом из его компонентов предмет — подчинение. Школьники повторяли вслед за учителем всё, что он говорил, подражая даже его интонациям. Только в преподавании арифметики сохранялся предметный метод Песталоцци.

Подросток выходил из начальной школы, не имея навыков самостоятельной работы с книгой, не умея задавать вопросы, без собственных суждений, отличных от внедренных в его сознание идей.

Промежуточная школа (Mittelschule) соответствовала французским и английским учебным заведениям, известных, как «высшие начальные школы». Промежуточная школа давала те же знания, что и начальная, но несколько большее по объему. Единственным отличием ее учебного плана от начальной школы было обучение одному иностранному языку.

Основанные еще в 1872 году промежуточные школы подверглись реорганизации в 1910 г. С этого времени в промежуточной школе учились девять лет. Первые три года можно было окончить в начальной школе, а в промежуточной школе — в этом случае — учиться с девяти по пятнадцать лет.

Обучение было платным, учились выходцы из мелкобуржуазных семей.

До конца I мировой войны промежуточная школа не была массовой. Среди родителей и учителей она не пользовалась популярностью.

К жизни гораздо лучше готовили детей коммерческие училища, средние профессиональные учебные заведения, ряд образовательных институций для взрослых.

До 1918 года промежуточная школа воспроизводила тот социальный слой, которому была недоступна чрезвычайно дорогая (в два раза дороже промежуточной) средняя школа, но который мог позволить своим детям лишний год школьной жизни и более основательную подготовку, чем получаемая в начальной школе.

К разряду промежуточных относили также подготовительные отделения средних учебных заведений — Oberschulen (лицеев), Lateinschulen (гимназий). Всего в 1913 г. в Пруссии было 632 промежуточных школы всех типов с числом обучающихся в 180729 человек. Значение их было весьма ограниченным.

Средняя школа. Гимназия, реальная гимназия, высшая реальная школа (Gymnasium, Realgymnasium, Oberrealschule) — все это разновидности средних учебных заведений. Каждая из них предлагала девятилетний курс обучения.

Рангом ниже считались шестилетние учреждения — прогимназия, реальная прогимназия и реальная школа (Progymnasium, Realprogymnasium, Realschule).

Хотя девятилетние дети, поступающие в средние учебные заведения, получали начальное образование в народных Vorschulen (первый концентр начальной школы), во многих средних школах имелись подготовительные отделения, принимающие детей с шести

лет. Остальные готовились к средней школе частным путем.

В 1914 г. в 346 гимназиях Германии училось 101745 человек, в 187 реальных гимназиях — 55094 человека, в 111 высших реальных школах — 44591 человек. Прогимназий было всего 25 (2961 учащийся), реальных прогимназий — 45 (4733), реальных школ — 180 (31226).

Гимназия оставалась наиболее распространенной средней школой, заодно и наиболее престижной.

Между начальной и средней школами почти не было преемственности. Только один из 10 тыс. учащихся начальной школы переходил в среднюю.

Разница в учебных планах, ранняя специализация, высокая плата за обучение делала школу второй ступени практически изолированной от первой, превращала ее в привилегированный тип образовательных учреждений.

Стоимость обучения колебалась от 110 до 150 марок в год; стипендиями, по официальным данным, было охвачено менее 10 % гимназистов.

Базой средней школы служило языковое, особенно — классическое образование. В гимназиях 124 часа из 304 посвящались латинскому, греческому или французскому языкам. Реальная гимназия предлагала латынь, французский и английский языки (в целом — 96 часов из 307), а в реальной школе тем же языкам, кроме латинского, отводилось из общего числа 307 часов — 72.

К карьерам в области права, медицины, теологии, педагогики готовили гимназия и реальная гимназия, а в области естественных наук, коммер-

ции, предпринимательства и техники — высшие реальные школы.

Все типы школ второй ступени давали серьезную привилегию в отношении воинской обязанности: получившие аттестат зрелости служили один год, а не два, как все остальные лица мужского пола. Они могли выбирать полк, место службы, освобождались от обязательного проживания в казармах (Einjährig-freiwilliger Dienst).

Наличие этой привилегии нередко требовалось для поступления на государственную службу, в банки и торговые дома.

Экзамены на аттестат зрелости выдерживало подавляющее число выпускников. В 1913 и 1914 годах аттестат получило 95,4 % экзаменовавшихся гимназистов, а в высшей реальной школе — 96,5 %.

Что касается профессиональных школ в Германии, то они были связаны с промышленным производством, сферой услуг и торговлей. Это были т. н. промышленные школы (Gewerbeschulen, Fachschulen), коммерческие училища (Öffentliche Handelslehranstalten) и т. п., которые придавали системе образования в Германии яркий своеобразный колорит.

Мы обнаруживаем много разнообразных профессиональных «профилей», но во всех были предусмотрены часы на религию вне зависимости от того, кого они готовили — краснодеревщиков или портных.

Веймарская республика (1919–1933). В отличие от Англии и США, дошкольное обучение в Веймарской республике не стало составной частью

начальной школы, которая со времени Ноябрьской революции 1918 года была разделена на две части: основную, четырехлетнюю, (Grundschule) и «верхнюю часть», также четырехлетнюю.

«Основная школа» — первый концентр «народной школы» (Volksschule) — была обязательной для всех детей страны, кроме поступивших в частные учебные заведения или (в исключительных случаях) обучавшихся дома.

Довоенные частные школы почти все сохранились. Число их даже несколько увеличилось за счет новых экспериментальных учебных заведений. Правда, статья 147 Веймарской конституции запрещала частные начальные школы, но их не закрывали под тем предлогом, что не было денег для компенсации убытков их владельцам (см. Kühn, W. Schulrecht in Preussen. Leipzig, 1932). Упразднена была только подготовительная к средней школе Vorschule.

Подавляющее большинство мальчиков и девочек начинали свой курс наук в «основной школе», наиболее способным разрешалось окончить ее за три года, на один год раньше обычного. Вслед за «основной» для большей части детей шел верхний концентр начального образования, как правило, преемственно связанный с Grundschule и представлявший собой в целом начальную «народную школу», воистину школу для простого народа.

В ряде земель «народная школа» надстраивалась одним или двумя годами дополнительного обучения в

«продвинутых (старших) классах» (gehobene Klassen) для одаренных детей из народа. Здесь преподавали иностранный язык и математику в дополнение к обычному учебному плану.

Нововведением было создание специальных классов для «тупых детей» (Förderklassen — буквально — «лечебных классов), не успевающих усваивать общую учебную программу, и классов для дополнительной работы с отстающими (Nachhilfeunterricht — «репетиторство»).

Все эти пристройки к народной школе призваны были полнее приспособить начальное звено народного образования к запросам рынка труда, не допуская при этом детей простого народа в средние учебные заведения. Лечебные классы и классы для повторения повторяли идею «потоков» в английской и американской системах первой половины XX века.

В результате т. н. Веймарского компромисса большинство начальных школ вновь стало полуконфессиональными (протестантскими, католическими, смешанного вероисповедания), где преподавалась та или иная разновидность христианства и других религий — по выбору родителей. Конституция предусматривала возможность для родителей отказываться от уроков религии для их детей, но на практике этим правом почти никто не пользовался.

Только 13 % начальных школ Германии имели по классу на каждый год обучения, одна треть народных школ была однокомплектными. В 1932 г. в Пруссии было 33395 на-

чальных школ, из них только 242 секуляризованных.

Республиканская конституция и законодательные акты отдельных земель заменили обязательное обучение (Unterrichtspflicht) школьной повинностью (Schulpflicht). Это значило, что домашнее образование допускалось только с разрешения медицинских учреждений по случаю тяжелой болезни ребенка. Все остальные дети обязаны были восемь, как минимум, лет посещать школу, а по достижению 14-летнего возраста совмещать возможную работу с продолжением учебы до 18 лет.

Экономическое положение побежденной Германии наложило отпечаток на народную школу. Размеры классов были огромными, декрет от 24 мая 1922 года устанавливал максимум учащихся, приходящийся на одного учителя, в 80 (восемьдесят) человек, а декрет от 4 октября 1926 года уменьшал его до 45 человек. Однако на практике этот максимум редко соблюдался (см.: Pottag A. Die Bestimmungen über die Volks- und Mittelschulen und über die Ausbildung und die Prüfungen in Preussen. Berlin, [о.ж.]. S. 49 bis 51).

Разительным изменением в определении объема и содержания образования в начальной школе было то, что учебные планы и программы составляли сами школы, а не центральные государственные органы. Непрекращаемые директивы Министерства заменили рекомендации, руководящие указания, примерные учебные программы (Richtlinien), на базе которых отдельная школа составляла свое расписание.

Таким образом, мы наблюдаем своеобразную «конвергенцию» школьного дела в Европе и США. Тенденции к централизованной системе государственной школы сочетаются с тенденцией к децентрализации контроля над частностями в содержании образования.

Эволюция немецкой начальной школы в Веймарской республике весьма примечательна. Накануне прихода к власти национал-социалистов мы находим в ней значительно меньше, чем прежде, зубрежки и дисциплинирования, существенно больше заботы о развитии способностей детей в ходе игровой и учебной деятельности.

В *Grundschule* и *Volksschule* с помощью активных методов тренируют руку и глаз. Родной язык осваивают в ходе рисования, моделирования, выпиливания, с помощью наблюдений. Физическому развитию детей подчинены оживленные игры, экскурсии, походы, гимнастические и спортивные занятия (см.: Scheibner O. *Zwanzig Jahre Arbeitsschule in Idee and Gestaltung*. Leipzig, 1928).

В основе учебного плана лежало «Родиноведение» (*Heimatkunde*): изучался родной дом, двор, сад, школа, улица, рынок, фабрика и иные элементы непосредственного окружения. В ходе изучения окружающего школьника мира привлекалась драматизация, элементы краеведения, творческие сочинения, моделирование и другие активные методы.

Этот учебный курс представлял собой вид комплексного учебного предмета (*Gesamtunterricht*). На втором-четвертом годах обучения из

Gesamtunterricht выделались как самостоятельные предметы религия (4 часа в неделю), родной язык (9–11 часов), к религии по бюджету времени приравнивалась арифметика. На все остальные занятия (шитье, рисование, пение, физкультура) уходило от трех до семи часов в неделю).

Последние 4 года «народной школы» для подавляющего большинства подрастающих поколений в Германии были также последними годами систематического формального образования. За стенами школы их ожидала работа или профессиональные курсы. Лишь немногие в 13-летнем возрасте могли поступить в школу — «надстройку» (*Überbausculen*).

Неудивительно, что именно в последние годы обучения в *Volksschule* в основу методики ложилась самостоятельность, умственная и «ручная» активность. Увеличивается число экскурсий (т. н. пеший туризм — *Wandertage*), проводившихся не менее одного раза в месяц. Во время экскурсий дети знакомились с промышленным и сельскохозяйственным производством в их местности. Стены классной комнаты раздвигались до масштабов окрестности, в которой находилась школа; знания приобретались не из учебников, а в ходе активного изучения окружающего мира. В этом заключается разительное отличие немецкой школы Веймарской республики от школы кайзеровской Германии.

Сильный акцент делался на практической подготовке обучающихся. Объективная необходимость расширения общеобразовательной базы

диктовалась структурой усложняющегося труда. Более широкая и разнообразная подготовка к трудовой деятельности потребовалась даже для тех, кто не имел возможности продолжить учебу.

Учебный план Volksschule предусматривал выбор между курсами религии и светской этики. Остальные предметы изучения включали в себя родной язык, историю, граждановедение, географию, естествознание, арифметику, геометрию, рисование, музыку, физкультуру, ручной труд (Richtlinien zur Aufstellung von Lehrplänen für die oberen Jahrgänge der Volksschule. Berlin, 1932).

Содержание исторических курсов было полностью пересмотрено. Вместо истории дома Гогенцоллернов давалась весьма националистическая интерпретация истории германского народа и германского государства, показанных через политическую, социальную, экономическую и культурную эволюцию.

Все это было новым для немецкой школы, приближавшейся вместе со всей страной к национальной катастрофе — победе национал-социалистического режима.

Те же объективные процессы вызывали к жизни заметный рост промежуточных школ, платных, доступных нижнему среднему классу. Продолжали совершенствоваться уже известные нам Mittelschulen, Rektorat- und Lateinschulen — неполные средние школы, взимавшие умеренно высокую плату за обучение.

С 1 июня 1925 года все типы промежуточных школ были объединены

в систему «промежуточного образования» (Mittelschulwesen). Этой системой предусматривалось и общее, и предпрофессиональное образование для готовящихся к работе в области торговли, сельского хозяйства, лесничества и т. п.

Эти школы были лучше оборудованы, чем начальные, размер классов был меньше. Срок обучения — 6 лет после окончания основной четырехлетней школы. Учительский корпус обладал лучшей квалификацией. Вступительные экзамены призваны были оградить эти учебные заведения от «случайных вкраплений».

Детей учили современным европейским языкам, родному языку, математике, естествознанию, рисованию и специальным предметам, на которые делался особый акцент — бухгалтерии, стенографии и машинописи и т. п.

Основы наук были освобождены от излишней теоретичности, основное внимание уделялось прикладным аспектам знания. По декрету от 22 марта 1927 года выпускники получали удостоверение об окончании промежуточной школы (Zeugnis der mittleren Reife), открывавшее для них ворота биржи труда.

В 1932 году в Пруссии имелось 1143 промежуточных школы, в них обучалось 175783 человека.

Итак, преобразование немецкой школы 1918—1932 годов охватило все типы начального образования. Оно коснулось и структуры школ, и содержания и методов обучения в них. Оно позволило Германии быстро наращивать промышленно-военный потенциал, а также способствовало

усилению национализма (*Bildung zum Deutschtum*).

Выводы. Школа рассматривалась как эффективное средство консервации существующего положения и господствующих доктрин. Система образования призвана была готовить не личности, а «винтики» в государственной машине.

Именно государство определяло уровни (стандарты) образованности, «спускало» сверху учебные планы и методы обучения, регулировало назначение на учительские должности. Школа функционировала как хорошо отлаженный механизм, строго бюрократизированный в его управлении. Новое допускалось в школу лишь в той степени, в какой оно представлялось государству безопасным для него.

На примере Германии можно видеть, что перед государством стоит двойная, внутренне противоречивая задача. Ему нужно подготовить рабочие силы, сдерживая при этом свободное развитие высших способностей личности. Думать, но не слишком интенсивно. Знать, но только полезное для работы. Уметь подчиняться, не рассуждая.

Как достичь обе цели одновременно? Как установить фильтры для развития талантов и как направить в желательное русло неизбежно все-таки растущие психические совершенства детей?

Для решения этой сложной двуединой задачи в ход пускаются одновременно содержательные и методические (технологические) средства.

Содержание грамотности, пластов культуры, к усвоению которых наце-

лено государственное образование, можно назвать *дозированным*, и даже строго дозированным. Да, приходится обучать умению читать, писать и говорить (неграмотный человек выпадает из современного производства и управления обществом), но необходимо тщательно отобрать доступный в школе активный и пассивный словарь, ограничив его ближайшим образом языком агиток, передовиц правительственных изданий, языком рекламы и пропаганды, популярных брошюр, кроссвордов и комиксов.

В состав т. н. основ наук (препарированных сведений из различных областей знания) включают исключительно только идейно выгодное правящим и господствующим группам (ПГГ), а также — необходимое для практики производства. Принцип *дозирования* отсекает от школьной премудрости все, выходящее за рамки исполнительной деятельности.

Как ни прискорбно для ПГГ, но простой народ приходится учить решать задачи. Характер задач благоразумно ограничивают *типовыми*, среди которых нет неалгоритмизированных. Однако даже и с помощью типовых учебных задач способности отчасти тренируются и крепнут. Чтобы надежно обеспечить недоразвитие способностей, в ход пускаются проверенные тысячелетиями методические способы оглупления.

Их два — «умственное дисциплинирование» и механическое запоминание.

Под «умственным дисциплинированием» я понимаю внедрение в сознание детей школьных понятий,

высказываний и утверждений в качестве «истин в последней инстанции», т. е. как окончательно установленные и абсолютно несомненные истины. Обучающимся не должно приходиться в голову *вопросание* по поводу этих «истин», а еще лучше — *вопросание* как таковое. Они обязаны довольствоваться теми объяснениями природных и социальных явлений, процессов и эксцессов, которые им преподнесены в готовом виде — без малейшего их *вопросания*.

Благодаря «умственному дисциплинированию» все неясное, непонятное и недоказанное в царстве знания становится для обучающихся окончательно ясным, понятным и доказанным, ибо *дисциплина* требует признания его таковым.

«Умственное дисциплинирование» осуществляется с помощью собственно дрессуры, внешнего дисциплинирования — поощрениями и наказаниями.

Запоминание, почти дословное, слов учителя и материала учебников не оставляет времени на раздумья, которые к тому же не поощряются, если даже они по какой-то причине вдруг случаются у отдельных обучающихся. Зубрежка же, напротив, поощряется, и самые экзамены проверяют степень «вызубренности».

Так осуществляется нужная государству индоктринация масс, их подготовка к войнам наряду с обеспечением модернизирующегося производства.

Что же касается привилегированной школы, воспроизводившей правящие и господствующие группы, то у нее была и есть совсем другая история, сложным образом связанная с государством, которое не финансировало школ для высших слоев общества и жестких требований к ним не диктовало. Только в привилегированной школе применялись достижения педагогической мысли, нацеленные на развитие и совершенствование высших человеческих способностей.